

А. Е. Аникин^{†*}, И. И. Муллонен^{†**}

[†] Институт филологии Сибирского отделения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; alexandr_anikin@mail.ru

[†] Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН; mullonen@krc.karelia.ru

С. А. Мызников

Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов.

М.; СПб: Нестор-История, 2019. —1064 стр.

Опубликован новый важный справочник по русской этимологии — огромный труд С. А. Мызникова «Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов» (далее РДЭС).

Книга содержит довольно пространное Введение (с. 4—23), в котором излагаются общие сведения о словаре, состав включенной в него лексики, дается характеристика словника и источников, описание структуры словарных статей и прочие «технические» данные. Имеется большой указатель русских слов (с. 1006—1062) и внушительный список литературы (с. 966—1005), список сокращений (с. 24—30). Отдельные разделы Введения посвящены обсуждению проблемы достоверности диалектных данных и теоретических вопросов, касающихся терминов «заимствование» и «субстрат», характеристик некоторых этимологических исследований диалектной лексики неисконного происхождения (Я. Калима, М. Фасмер, А. К. Матвеев и др.), диалектных этимологических словарей и др.

К крупной форме в области «чистой» этимологической лексикографии С. А. Мызников прибегнул впервые. Как одному из основных авторов и (в последние годы) руководителю Словаря русских народных говоров (СРНГ) ему прекрасно знакома работа в области описательной диалектной лексикографии. РДЭС можно расценить как обобщение и развитие его предшествующих фундаментальных трудов (прежде всего монографий и атласов¹,

не говоря о «*kleine Schriften*»), посвященных главным образом ареально-лингвогеографическому и этимологическому аспектам изучения лексики прибалтийско-финского, но также пермского, марийского и мордовского происхождения в русских говорах. Как и в предшествующих трудах Мызникова, в РДЭС затрагиваются и иные заимствования (балтизмы, тюркизмы, англицизмы и др.), а также некоторые исконные слова — в тех случаях, когда они представляют особый этимологический интерес. В словаре дается относительно большое количество топонимов, которые привлекаются по большей части как вспомогательный материал при рассмотрении апеллятивов. Некоторые статьи РДЭС посвящены анализу русских диалектизм, вызывающих сомнения в их достоверности.

Словарь опирается на богатейшие данные по русским говорам, извлеченные из опубликованных и рукописных источников и картотек, но также на чрезвычайно обширные полевые материалы самого С. А. Мызникова, собиравшиеся им в течение более чем 30 лет. Представлены материалы, записанные от носителей русских диалектов на территориях Северо-Запада и Центра России, Южного Урала и др. (всего около 20 областей и республик РФ), а также Казахстана. Речь идет о тех местах, где имеют место более или менее интенсивные и давние контакты русских и соседних диалектов. Словарь построен по алфавитно-гнездовому принципу, когда лексика объединяется вокруг одного и того же этимона или нескольких сходных этимонов, но доминирует алфавитный порядок расположения слов. В этимологическом плане ставка делается на детальное (особенно в плане лингвогеографии) представление непосредственного этимона, с меньшим вниманием к его праязыковой истории, иноязычным связям и соответствующим реконструкциям.

---

* Публикация подготовлена по проекту ИФЛ РАН № 0328-2016-0003 «Язык и фольклор русских в Сибири как отражение культурных взаимодействий» и проекту ИРЯ РАН № АААА-А18-118021690163-2 «Реконструкция истории славянской лексики от праславянского периода до современного состояния и этимология лексического состава русского языка».

** Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН.

¹ (Мызников 2003; Мызников 2004; Мызников 2005; Мызников 2007; Мызников 2010). При активном участии С. А. Мызникова в Институте лингвистических исследований РАН (СПб) ведется работа над крупным Всероссийским коллективным

проектом, объединяющим многие ВУЗы и научные институты — Лексическим атласом русских народных говоров.

Весьма ценно, что РДЭС содержит словник от *a-* до *я-*, т. е. является единым целым, не разделяющимся на части и выпуски. При этом он содержит материал, значительная часть которого еще не подвергалась этимологической обработке. Если оценивать РДЭС с позиций «общерусского» этимологического словаря, каковым у нас является прежде всего известный труд М. Фасмера, то следует констатировать, что по существу любая статья РДЭС (не считая отсылочных) может служить дополнением для словаря Фасмера и для будущих этимологических словарей русского языка. В этой связи, кстати, уместно отметить наличие многих этимологических решений, совпадающих в РДЭС и «Русском этимологическом словаре» (РЭС). Примером может служить севернорусское *дóра* ‘небольшая плоскодонная лодка с широкой кормой’ (СРНГ 8: 130), ошибочно объясняемое в «Православном словаре» как рефлекс праслав. **dora*, далее к *драть* (SP 4: 111). В действительности, *дóра*, как справедливо сказано в РДЭС (с. 178), происходит из англ. (США) *dory* (*dorey*) ‘морская плоскодонная гребная лодка’, неясного происхождения (см. также (РЭС 14: 220, 382))².

Вместе с тем словарь С. А. Мызникова в очередной раз демонстрирует перспективность и/или реалистичность создания диалектных (и иных «частных») этимологических словарей русского языка. Большой «общерусский» словарь в духе словаря Фасмера является трудно реализуемым, поскольку требует для своего завершения много времени даже в случае привлечения коллектива специалистов. Однако диалектный этимологический словарь является и «научно необходимым и самодостаточным научным проектом» (Варбот 1997: 193), способным дать выигрышную точку зрения на лексику языка.

Несомненно, что такой важный труд, как РДЭС, не является чем-то застывшим. В перспективе желательны переиздания этого труда с учетом новых научных достижений и т. д. Предлагаемые в данной рецензии соображения по поводу РДЭС рассчитаны именно на будущее этого словаря.

Переходя к оценке РДЭС³, следует прежде всего заметить, что, несмотря на преимущественное внимание к заимствованной лексике, С. А. Мызников сделал некоторые наблюдения, весьма важные для изучения исконнорусской лексики.

² Опубликованные выпуски РЭС (1–14) охватывают отрезок русского словника от *a-* до *д-*. В данной рецензии эти выпуски для краткости используются как правило без ссылки.

³ Используемые в РДЭС многочисленные диалектные пометы в данной рецензии ради краткости как правило опускаются.

Рус. диал. *бот* ‘длинный шест с утолщением (чтобы бить по воде и пугать рыбу), ботало’ в этимологической литературе обычно понимается как продолжение праслав. **botъ* от **botati* > рус. диал. *бóтáть* ‘качать, болтать, колебать, бить, пахтать масло; бить по воде, загоняя рыбу в сеть’ (Фасмер 1: 200; SP 1: 341; ЭССЯ 1: 224). Иначе РДЭС (с. 91) — *бот* ‘ботало’ из *бóйт* < *болт* от *боўтáть* < *болтáть*. Аналогично объясняется *гобѣц* ‘деревянная пристройка к русской печи’ < *гоўбѣц* < *голбѣц* (РДЭС: 164). Подобные примеры, как выяснилось, являются реликтами древненовгородской фонетики, что подтверждается многочисленными примерами типа диал. *вóглый* — *вóлглый*, *коч* — *колч* и т. п. (Зализняк, Гиппиус 2018: 18–19) (со ссылкой на (Мызников 2004: 45)).

Но в центре внимания С. А. Мызникова как этимолога и лингвгеографа, разумеется, финно-угорские и особенно прибалтийско-финские истоки русской диалектной лексики. На этом материале в РДЭС, как и в предшествующих монографиях и статьях Мызникова, им предложены сотни авторских этимологий, значительно пополнивших список ставших уже классическими интерпретаций Я. Калимы, И. Микколы, А. Л. Погодина, М. Фасмера⁴. Кроме того, многие из этих интерпретаций осмыслены в словаре Мызникова по-новому, с учетом полученных на протяжении XX столетия новых полевых и архивных материалов. Он успешно использует наработки своих коллег-этимологов, работающих с финно-угорским материалом. Им выявлены некоторые принципиально важные особенности фонетической адаптации финно-угорских этимонов в русской языковой среде, ареальная дистрибуция русских диалектных лексем финно-угорского происхождения, их лексико-семантические группы.

Среди новых авторских этимологий изящная интерпретация загадочного для предшественников термина из былинных текстов *ольга* ‘болото, топкая низина’ как производительного варианта слова *орга*, широко бытующего в говорах Северо-Запада с той же семантикой и имеющего очевидные прибалтийско-финские истоки (с. 555–556). Безупречной представляется вепсская этимология для *рáхта* ‘жидкость, остающаяся при сбивании масла’, не попадавшего ранее в поле зрения этимологов (из вепс. *rahtod* ‘вытопки от масла’). При этом автором предложены более убедительные истоки для самого прибалтийско-финского слова, чем это сделано в классическом для прибалтийско-финских

⁴ Е. А. Хелимский в шутку и всерьез называл Мызникова «новым Калимой» и «новым Жильероном».

языков этимологическом словаре SKES (с. 656—657). Достоверность большого ряда этимологических этюдов основана не только на собственно лингвистических параметрах, но и на привлечении экстралингвистических данных. Показательный пример — термин *нярега*, называющий полоску из жести, закрепляющую косу на рукоятке. Как показано С. А. Мызниковым, этимология явно хранит память о том, что традиционно для этой цели использовали не жель, а древесный материал из молодой ели, еловой поросли, карел. *näre, näreh* (с. 544). Список подобных примеров может быть многократно расширен.

Материалы РДЭС представляют значительную ценность для прибалтийско-финского и, шире, финно-угорского языкознания кроме прочего в том плане, что в русских говорах сохранились многочисленные реликты языковых единиц, утраченные в языках, послуживших источниками заимствований или субстратных включений. Так, русские говоры Обонежья бесспорно важны для истории вепсского языка, который, как известно, относительно поздно оказался в поле зрения собирателей и исследователей, когда произошло уже практически полное обрусение территории исторического вепсского Присвирья и южного Обонежья. Показателен в этом смысле богатый ряд дескриптивных глаголов, зафиксированный в русских говорах в зоне вепсского субстрата (например, *лявндать, лямзать, гуньяндать, кабандать, нюлайдатель, нявандать*). При этом сам вепсский оригинал не отражен в доступных источниках по вепсской лексике, что вынудило автора РДЭС оперировать данными родственных прибалтийско-финских языков. Однако исторический и географический контекст позволяет реконструировать в конечном счете именно вепские этимоны и тем самым обогатить исторический фонд вепсской лексики.

Таким образом, русские диалекты могут сохранять исходный вепсский этимон, утраченный в самом вепском. Убедительный пример этого рода — рус. диал. *кйкла* ‘наклонная жердь, подпирающая изгородь’ на фоне вепс. *t’ilg* ‘клин’. В результате двух фонетических процессов (развитие *ki > ti* и метатеза в конечном кластере) вепсский этимон значительно изменил свой облик, отчего С. А. Мызников даже засомневался в связи между вепским и русским словом (с. 297). Однако она бесспорно подтверждается прибалтийско-финскими параллелями, в частности, фин. диал. *kiklata* ‘подпирает (дверь)’ (SMS).

Можно обратить внимание на потенциал РДЭС и для анализа вепсского словообразования, которое

исследовано лишь фрагментарно. Ограничимся примером из РДЭС, дополняющим ряд вепсских отглагольных имен с суффиксом *-im*. С. А. Мызников совершенно прав, соотнося бытующие в южном Обонежье рус. *кйтма* ‘веревка, на которой приведена для продажи корова’ и *кйтма* ‘веревка, на которой водят корову’ с карел. *kytkie* ‘привязывать’, вепс. *kütte* ‘привязь для рогатого скота’ (с. 305, 395). Однако остается вопрос о происхождении *-м*-ового элемента. Привлечение финских диалектных данных дает ответ: соответствующая лексическая единица представлена в них в виде *kytkein* или *kytkin* (SMS), где конечное *-in* (вепс. *-im*) — суффикс, образующий названия орудий действия от глагольных основ. Исходя из этого, *кйтма, кйтма* можно возвести к вепс. **kytkim*, которое в полном соответствии с закономерным для вепсской фонетики выпадением гласного второго слога при первом закрытом переходило в **kyt(k)m*. В русских диалектах реально сохранилась, таким образом, производная лексема, утраченная вепскими говорами.

Отмечая исключительный потенциал РДЭС для исторического финно-угроведения, нельзя пройти мимо тех возможностей, которые он предоставляет для реконструкции фрагментов утраченных финно-угорских языков и праязыков на территории Русского Севера и Верхневолжья. Местные русские говоры содержат богатейший финно-угорский субстрат, постоянно привлекающий внимание этимологов. Это чрезвычайно ценный материал, хотя и «неудобный» для этимологии, поскольку его не удастся возвести непосредственно к какому-либо конкретному живому финно-угорскому языку. Материалы РДЭС позволяют, к примеру, увидеть важные фонетические признаки субстратных финно-угорских языков на территории Русского Севера. Это, в частности, заднерядный характер звука *e*, отражающегося в русских заимствованных словах в виде *a* (*ва́хта* ‘трава на болоте’, *ва́гмас* ‘болото у реки, лес на болоте’, *ша́лга* ‘часть леса, лес’, см. РДЭС: 108, 120, 903), что неоднократно привлекало внимание исследователей, а также менее известный факт существования заднерядного местного прибалтийско-финского *i*, который в ряде случаев отразился в русских говорах архангельской области в виде *ы*: *выра́нда* (также *верáнда*) ‘куча сучьев на подсеке’, *нылас* (и *нилас*) ‘намерзающий у берегов лед’, *вы́ргут* ‘знак-ориентир возле убитого зверя во время морской охоты’. Последнее слово оставлено в словаре без этимологии (РДЭС: 146), хотя и семантически (‘знак-ориентир...’) и фонетически убедительно соотносится с приб.-фин. *virg* ‘метка, зарубка на дереве’ (Saarikivi 2009).

Во Введении С. А. Мызников оговаривает, как уже сказано выше, ограничения, накладываемые на сведения об этимологических связях этимона, его праязыковом облике, что представляется в большинстве случаев оправданным. Но в ряде случаев такие ограничения ведут к неиспользованию важных сведений. Понятно, что при исключительно широком исследовательском поле и огромном объеме охваченного материала некоторые новые этимологические работы и их результаты оказались в РДЭС неучтенными. Стоило бы особенно обратить внимание на изыскания нового поколения финских этимологов (Ante Aikio, Petri Kallio, Janne Saarikivi, Santeri Junttila, Jaakko Häkkinen, Sampsa Holopainen), активно включившихся в исследовательскую работу уже после выхода на рубеже тысячелетий этапного для финно-угроведения словаря Suomen sanojen alkuperä (SSA), и в некоторых отношениях отошедших от представлений, сформировавших идеологию SSA. Эти ученые предложили новые этимологические интерпретации, новый взгляд на этапы формирования финно-угорского языкового сообщества, их хронологию и ареал.

Хотя соответствующие исследования, естественно, не всегда имеют прямое отношение к этимологии русских диалектных финно-угризмов, они актуальны для определения финно-угорских этимонов в целом ряде статей РДЭС. Одновременно они дают несомненный импульс и непосредственно для анализа русской диалектной лексики, позволяя не привязывать этимологию к конкретному современному финно-угорскому языку, а исходить из праязыковых реконструкций, которые в плане фонетического облика и семантического наполнения нередко оказываются более адекватными для территорий Русского Севера и Верхневолжья, где не сохранились живые финно-угорские языки. Так, Я. Саарикиви предложил новую этимологию для многозначного русского диалектного финнизма *вóрга* (в значении ‘лесная дорога, тропа’, ‘охотничья тропа с ловушками вдоль нее’, ‘путь, отмечаемый затесками на деревьях’), которая вводит это слово в один этимологический ряд с олон. *вэрги* ‘зарубки на деревьях’. Последнее считается уже более поздним, карельским заимствованием: из карел. *virka* ‘затеска на дереве’. Особый вокализм *ворга* вызван спецификой адаптации исторически заднерядного слова в русской языковой среде⁵.

Другой пример — глагол *вóймовать* ‘слушать, понимать, воспринимать, знать’: в новых работах

⁵ Подробнее об отношении рус. диал. *вэрги*, *выргут* и *ворга* см. (Saarikivi 2009).

по ряду причин фонетического и семантического свойства предлагается отказаться от ранее предложенных интерпретаций (на которые опирается и РДЭС: 143) в пользу западноуральского **wajma* ‘дух, душа’ с последующей субституцией *a > o* (Saarikivi 2009: 127–131)⁶.

Попутно следует заметить, что в РДЭС хотелось бы видеть больше обсуждений этимологических дилемм между финно-угорскими и исконнославянскими решениями. Так, прослеживающееся в ряде русских говоров развитие **-dl- > -гл-* нередко усматривают в рус. *негла, нёгла* ‘лиственница’, предполагая исходное **ne-edla* (Tesnière 1933: 59; Николаев 1989: 192–193; SP 6: 30). Однако русский апеллятив, известный также в вариантах *мегла́, мигла́, мегли́на* и др., имеет альтернативное и более вероятное объяснение (Я. Калима, А. К. Матвеев, С. А. Мызников и др.) как заимствование из источника типа фин. *neula, niekla*, карел. *niekla*, вепс. *ńegl* и др. ‘игла, хвоя’ (РДЭС, с. 525). Выбирая более перспективное решение, С. А. Мызников не упоминает об альтернативе, что представляется упущением.

Судьбы диалектных слов в контактных ареалах очень прихотливы и запутанны, при их рассмотрении в словаре практически неизбежно оказываются учтенными не все возможные интерпретации. Далее следуют несколько примеров таких неиспользованных возможностей. Масштабы РДЭС таковы, что, обращаясь к русскому материалу прибалтийско-финского происхождения, в рамках настоящей рецензии пришлось остановиться лишь на небольшой его части, а именно, на отрезке словника на *к*:-

ка́бач ‘пучок коры’, для объяснения которого в РДЭС привлекается вепс. *käčak* ‘пучок, клубок, моток (лыка)’ (с. 213), целесообразнее связывать с прибалтийско-финской основой **kapa-*, отразившейся в фин. диал. *kapa* и его суффиксальным производным *kapakka* ‘сильно пересохшая кожа, одежда и т. д.’ (SMS), карел. *kapakka* ‘затвердевший, пересохший (напр., о земле, сене, коже)’ (KKS). Финаль *-ч* в русском слове указывает на возможный вепсский этимон (**kabač*), поскольку восходит к характерному вепсскому суффиксу *-čči*, семантически равнозначному карел., фин. *-kka*;

ка́гача, качага ‘сойка’, для которого в РДЭС приводится не вполне ясно изложенная интерпрета-

⁶ При рассмотрении обсуждаемого лексического материала (и целого ряда других слов, рассматриваемых в РДЭС), следует считаться с еще одним важным и оригинальным этимологическим справочником — (МСФУСЗ) и с другими этимологическими трудами екатеринбургско-свердловских авторов, начиная с А. К. Матвеева. Эта литература, как правило, находит отражение в РДЭС.

ция, исходящая из примарности варианта *качага* (с. 218), заманчиво возводить к прибалтийско-финскому источнику вепсского типа, родственному фин., карел. *kahakka* ‘ссора, крик’, ‘хриплый, осипший, скрипучий (о голосе)’ (SMS, KKS), см. выше об отношении вепс. -*čši* ~ фин. -*kka*. Этимология мотивирована особенностями голоса птицы;

кэ́кка ‘грибной нарост на березе’ в тверских говорах, для которого словарь не предлагает этимологии («неясно», с. 276), восходит, конечно, к карел. *kiekko* ‘круглая плитка, колесо, диск’ (KKS) с дескриптивными прибалтийско-финскими истоками (SSA 1: 353);

кэ́рка ‘деревянный кружок, надеваемый на конец шеста, которым при ловле ударяют по воде’ (с. 285) логично возводить к точному карельскому соответствию *kerkkä* ‘деревянный кружок в основании ботала’ (KKS). Стоит отметить, что слово *kerkkä*, будучи многозначным, в восточно-финских говорах бытует в значении ‘шишка (еловая или сосновая)’ (SMS). Это наводит на мысль о том, что приводимое в РДЭС *кэ́чка* ‘еловая или сосновая шишка’ (с. 289) может являть пример искажения лексики при записи или публикации (подобные примеры затрагиваются во Введении к РДЭС, с. 8–11);

кэ́ртик ‘небольшой невод, которым ловят в небольших травянистых озерах’ нет необходимости сопоставлять с саамскими данными (с. 287), особенно с учетом олонечского ареала русского слова. Слово входит в один ряд с рус. *кэ́рдега* ‘рыболовная сеть’ (с. 282), у которого надежные прибалтийско-финские истоки, ср. фин. диал. *kierre* в Приладожье, а также карел. ливв. *kierre* ‘рыболовная сеть’ (SMS, KKS), исторически *kērdek. Карельская и финская лексемы здесь приведены намеренно, поскольку они отсутствуют в словарной статье РДЭС *кэ́рдега*, которая оперирует только предложенной в свое время Я. Калимой вепсской реконструкцией *kerdeg (с. 282);

кú́кка ‘пирог с начинкой’ широко представлено в зоне карельских контактов и вполне логично возводится в РДЭС к карел. *kukko* ‘о выпечных изделиях с начинкой’. Однако отождествление последнего вслед за Калимой и Фасмером с приб.-фин. *kukko* ‘петух’ (с. 364) неправомерно, что вполне убедительно показал М. Бентлин, предложив исходить из нижненемецкого варианта нем. *Kuchen* ‘пирог’ (Bentlin 2008) и вернуться тем самым к интерпретации, предложенной еще в конце XIX в. Э. Леннротом, но позднее забытой исследователями.

Приведенные выборочные примеры этого типа свидетельствуют о важности для исследования истоков русской диалектной лексики северо-запад-

ного ареала такого источника, как Словарь финских диалектов (SMS), оставшегося, к сожалению, не учтенным в РДЭС⁷. Из других перспективных электронных источников, которые стоило бы использовать в РДЭС, надо упомянуть этимологическую базу данных саамских языков⁸.

В РДЭС включено некоторое количество топонимического материала — в основном в качестве своеобразных иллюстраций к бытованию апеллятивной лексики, но имеются и самостоятельные топонимические статьи. Представлен целый ряд ценных фиксаций и убедительных этимологических объяснений географических названий (среди них *Кезанки*, *Кеды*, *Кебялка*, *Кевка*, *Кохта*, *Кугаматка*, *Куткостров* и др.).

Определенный упрек, который можно высказать по поводу этого материала в РДЭС, состоит в отсутствии специальной пометы, отличающей топоним от апеллятива. Лишь в некоторых случаях отмечается, что речь идет о топониме (например, ‘название покоса’), чаще же после заголовочного слова (топоним) в толковании дается непосредственная характеристика названного географического объекта: *Конда* ‘возвышенность’, *Саймига* ‘кладбище’, *Сайкора* ‘возвышенное место’, что создает неверное представление о присутствии в русских говорах соответствующих апеллятивов. Кроме того, некоторые из топонимов и анализируются в РДЭС как апеллятивы, ср. «лексема *саймига*» (с. 709). Не вполне учитывается типология топонимов, не позволяющая, к примеру, реконструировать вепс. *märg* ‘мокрый’ в качестве второго элемента в составе названия лесного участка *Кономарга* (с. 333). Детерминант в подобных композитах должен быть представлен термином, называющим разновидность объекта, в данном случае это, очевидно, вепс. *orgo* ‘лес’.

Некоторые из предложенных в словаре этимологий топонимов (*Кондопога*, *Кивинит*, *Киверно*, *Кулатка*), по-видимому, нуждаются в пересмотре. Так, вряд ли верно связывать первый элемент сложного по структуре топонима *Кондопога* с приб.-фин. *kon'd'i*, *kondie* ‘медведь’ (с. 332). Людиковский оригинал *Kompohd* < *Kondpohj явно апеллирует к карельскому поселенческому термину с твердой основой *kondu*, *kond* ‘однодворная деревня, состоящая из земельного надела и жилого дома’. Второй элемент топонима *-пога* из карел. *pohj* ‘конец залива’.

⁷ Первые восемь выпусков SMS опубликованы в традиционном бумажном виде, а начиная с 2012 г. словарь пополняется в электронном виде (<http://kaino.kotus.fi/sms/>).

⁸ Etymological database of the Saami languages (<http://kaino.kotus.fi/alg/>).

В РДЭС предложены также этимологии некоторых этнонимов, — возможно, самых сложных для этимологического анализа слов. При этом, кажется, каждое новое поколение исследователей вновь возвращается к этому материалу, иногда к старым интерпретациям. Например, современная феннистика отказалась от саамской этимологии этнонима *чудь*, приводимой в SKES (на нее опирается и РДЭС, с. 887), предпочтя вернуться в определенных позициях к традиционному германскому этимону, но не в его готском облике *þiuda* ‘народ’ (Фасмер 4: 378), а в восточно-норвежской реконструкции **þjūd* ‘люди’ — исходя из того, что среди всех германцев именно варяги были в самом близком контакте с чудью — населением Новгородской земли. Согласно новейшей интерпретации, заимствованный из языка новгородской чуди апеллятив **suuti* ‘люди’ был усвоен в язык славянского населения Новгородской земли как этноним *чудь* и впоследствии по народной этимологии сближен с лексемами *чудо*, *чужой*, что способствовало закреплению этнонима в фольклоре (Kallio 2015: 91). В свою очередь, при объяснении *корелы* в РДЭС (с. 341—342) не нашла отражения получившая наибольшее признание в феннистике германская этимология, возводящая этноним к прагерм. **harja* ‘группа людей’, адекватная с точки зрения типологии этнонимов, хотя и вызывающая некоторые фонетические вопросы (SSA 1: 313; Grünthal 1997: 75—78).

При этом толкования этнонимов и иллюстрации в этнонимических статьях РДЭС содержат замечательные редкие материалы, ценность которых бесспорна даже при том, что предлагаемые этимологии в ряде случаев дискуссионны.

Далее следуют выборочные дополнения и/или альтернативы к отдельным этимологическим решениям, предлагаемым в разных статьях РДЭС, содержание которого, как уже сказано выше, посвящено отнюдь не одному только прибалтийско-финскому материалу. Можно заметить, что в ряде случаев в РДЭС вердикт «неясно» был несколько поспешным, т. к. этимон лежит на поверхности.

бáло ‘орудие для гнутья санных полозьев’. С. А. Мызников присоединяется к мнению о заимствовании коми *бала*, *бава* ‘приспособление для гнутья санных полозьев’ из русского (с. 71), что справедливо. Не совсем точно однако считать, что рус. *бáло* из *гибало* (< **gyba-dlo*). Исходным для *бало* может быть только **gъba-dlo* (от **gъbati* ‘гнуть’, см. (ЭССЯ 7: 187)), откуда также рус. диал. *гбáло*, *гáло*, *мгáла* ‘то же’ (СРНГ 2: 65, 83, 90; 6: 116; 18: 63; Матвеев 1964: 287). Не совсем точное возведение к *гибало* дается в РДЭС и при специальном обсуждении упомянутых *гáло*, *мгáла* (с. 155, 492);

бамбáк ‘пряжа для вязки сетей’. Приводимое в РДЭС сравнение с тур. *bükte* ‘крученые, сученые нитки’ (с. 73) нецелесообразно. Слово тождественно известному в русских говорах на Дону *бамбáк*, *бамбúк* и т. п. ‘нить для вязки сетей’, *банбáк* ‘заграничная нитка для сетей’, которые, видимо, из укр. диал. *бомбáк* ‘фабричная пряжа’, далее из польск. *bombak* ‘вид полотна’ или из молд. *бумбáк*, рум. *bumbác* (ЕСУМ 1: 228);

бзні́ка ‘ягоды паслена, при употреблении вызывают рвоту и понос’, также *бздні́ка*, *бздник*, *бзду́ніка* и др. (СРНГ 2: 287—288). С. А. Мызников справедливо пишет о проблематичности сближения с коми *баз*, *паз* ‘вороника’ (с. 87), но для подтверждения стоило бы указать этимон русского фитонима: от *бздеть*, на что указано у Фасмера (1: 163);

бúга ‘затопляемый половодьем низменный береговой лес и кустарник’. Цитирование этого слова завершается вердиктом «неясно» (с. 94). Но имеется неплохая и в целом принятая специалистами этимология: из праслав. **buga* ‘низкий берег реки, заливаемый водой’, к и.-е. **bheug(h)-* ‘изгибать, сгибать’, ср. к семантике рус. *лукá* ‘изгиб, кривизна’, ‘поворот реки’, диал. ‘поемный луг’ и под., родственное рус.-цслав. *лащи* ‘сгибать’, праслав. **lęk-/lǫk-* (ЭССЯ 3: 77; 15: 62; 16: 141—142; SP 1: 435);

говня́к ‘передовая часть саней’, *говéнник* ‘поперечное крепление в передней части саней’ понимаются как прозрачные по своей структуре, что, видимо, подразумевает связь с *говно́* (с. 164), поскольку речь идет о той части саней, которая ближе всего к лошади (собственно, к ее хвосту). Эту связь С. А. Мызников подтверждает финно-угорскими параллелями вроде вепс. *sitked* ‘гибкий’ — *sit* ‘кал, помет’, но это явно гетерогенные образования. При рассмотрении русского слова следует учесть его варианты, которые не объясняют сближение с *говно́*. Ср. диал. *говéдник*, *говéльник* ‘крепление (в передней части саней)’ (СРНГ 6: 252—253), *говя́дник*, *говя́нник* ‘то же’ волог. (СГРС 3: 60). Вся эта лексика, возможно, из диал. *головéнник* ‘передняя изогнутая часть полозьев саней’, далее к *головá*^о. Не исключено развитие *-оло-* > *-owo-* и выпадение *w*. Следует считаться и с возможностью гаплоггии (или синкопы предударного слога) исходного *головéнник*. Развитие ‘голова’ > ‘передняя часть саней’ повторяется, например, в лтш. (*ragavi galvas*, букв. ‘головы саней, дровней’);

гон ‘удилище’ едва ли как-то связано с вепс. *oŋg* ‘удочка’ (с. 165), но является продолжением праслав. **gōpъ*, имени действия от **gъpnati*, **ženo* ‘гнать’ (ЭССЯ 7: 27; SP 8: 89—91). В свою очередь, рус. диал. *гóнка* ‘лес, сплавляемый в плотах’ не следует сопо-

ставлять, как справедливо пишет С. А. Мызников, с фин. *honka* ‘сосна’ (РДЭС: 165). Можно добавить, что русское слово связано с *гон* ‘плот’ (ср. выражение *гонять плоты*), далее к тому же праслав. *gonь;

гук ‘мыс, выдающийся узкой полосой в море, озеро, реку’ объясняется (с. 169) как заимствование из коми *гуг* ‘пространство, находящиеся за чем-л., задняя часть чего-л.’. Правдоподобнее голландский этимон: *hoek* ‘угол’, ‘сторона’, ‘мыс’, откуда также нем. (у моряков) *Huk* ‘Landspitze’ (Kluge 1911: 382). Кстати, ошибочно включение русского слова в число рефлексов праслав. *gukь (ЭССЯ 7: 169). Сама эта лексема расценена как ненадежная (SP 8: 301);

едун ‘песчаная почва’, ‘сухая неплодородная почва’ расценено как неясное (с. 184), но это слово скорее всего тождественно *едун* ‘обжора’, ‘аппетит’ (ср. *едун напал* ‘о прожорливости’), что подтверждается толкованием: *почва пдун* ‘песчаная сухая, съедаящая назем’ (Даль 4: 680);

ёдра ‘корова красной масти’, *ёдрый* ‘желтый с красным, бурым оттенком’. Отмечается сходство с коми *гёрд* ‘красный’ (с. 184), что едва ли можно признать убедительным. Рус. слова тождественны диал. *рёдра* и *рёдра* ‘пестрая белоголовая корова’, ‘кличка рыжей коровы’, *рёдрый*, *рёдрый* ‘рыжий (о рогатом скоте)’ < прасл. **rьdrь(jь)* ‘рыжий, красно-желтый (о скоте и др.)’ (Фасмер 3: 459). Начальное *р-* в *ёдрый* исчезло вследствие диссимилиации *р...р > ж...р*;

колеть ‘умирать’ вслед за О. Б. Ткаченко (искавшим в русской лексике меряньское наследие) сопоставляется (с. 324) с вепсским и эстонским материалом, хотя гораздо более реалистично объяснение на рус. почве: тождество с рус. *о-колеть*, укр. *колѣти*, блр. *калѣць* ‘цепенеть’ (Фасмер 3: 129);

коняга ‘выдолбленное из дерева корыто’, *коняги* ‘две лодки, соединенные вместе’ понимаются как переосмысленное по народной этимологии *комляга* (*комляга*) ‘лодка, выдолбленная из дерева’ (с. 333). Видимо, имеется в виду близость к зоониму *коняга*, деривату с суффиксом *-яга* от *конь*. Словам *комляга*, *коняга*, *комляга* в РДЭС уделено немало места (с. 329–330, 333). К сказанному там можно добавить, что рус. *коняга*, *коняги* в значении ‘корыто’, ‘две лодки’, по всей вероятности, обязаны своим обликом не тому, что на них повлияли зоонимы *конь* и *коняга*, но тому, что отражают реликт фонетики древненовгородского диалекта: развитие *мл’ > н’* как в случаях *крень* — *кремль*, *на зени* — *на земли* и проч. (Зализняк 1988: 66);

крут ‘сыр из коровьего или овечьего молока’ расценивается (со знаком «?») как возможное заимствование из «казахского или башкирского»

(с. 353). Можно уточнить, что слово не отделимо от рус. диал. *курут* ‘сыр у алтайцев’ < алт., тел. и др. *qurut* ‘сыр’, ср. др.-тюрк. *qurut* ‘высушенный творог’ (Räsänen: 304);

лбса ‘спокойная поверхность воды’. Упоминаются малоудачные сравнения с иноязычным материалом (с. 451), но не учтена очевидная этимология на основании данных ЭССЯ (16: 91): *лбса* субстантивированная форма ж. р. адъектива **losь(jь)* ‘гладкий, блестящий (о поверхности воды)’. В ЭССЯ (Там же) есть также ссылка на публикацию Я. Калимы, где специально отмечается исконное (нефинское) происхождение русских слов;

лыч ‘картофельная ботва, ботва корнеплодов’. Не без основания принимается влияние коми *лыч* ‘ботва корнеплодов’ (с. 464), но не исключено, что это слово само может быть из русского. Стоило бы учесть этимологию ЭССЯ (17: 18–19), где рус. *лыч* ‘ботва’ толкуется как продолжение праслав. (вост.) *lyčьjь, букв. ‘относящийся к лыку’ от *lyko. Правда, это объяснение недостаточно убедительно. Интересен приводимый в РДЭС (с. 464) русский диалектизм *хлыч* ‘ботва овощей’, но отношение *лыч* — *хлыч* пока неясно;

лю́стра ‘зеркало’ дается без комментария (с. 465). Это то же самое слово, что блр. *лю́стра* ‘зеркало’ < польск. *lustro* < итал. *lustro*;

митусить ‘напряженно всматриваться’, ‘рябить в глазах’, ‘моросить’ (с. 499). При обсуждении этого глагола были бы полезны данные ЭССЯ (19: 60), включающие помимо великорусских другие славянские материалы. Трудно согласиться с суждением С. А. Мызникова об отсутствии родства между *митусить* ‘моросить’ и наречием *митусь* ‘попеременно’. Объединяющей ‘дождь’ и ‘попеременность’ является идея пестроты (Невская 1984: 131);

музя, *муся* ‘рот, губы’ (в Петербурге) — вслед за Я. Калимой предполагается заимствование из эст. *тизи* ‘рот, поцелуй’ через посредство нянь-эстонок (с. 505). Стоит обратить внимание на сходство этих слов с польск. *buzia* ‘рот, лицо’, *dać buzi* ‘поцеловать’, укр. *бузя* ‘лицо, ротик’, нем. *Buss* ‘поцелуй’ и подобным ономастическим материалом (Boгуś 2005: 48);

му́лить ‘мутить воду’, *муль* ‘мутъ’ — сравнения с прибалтийско-финскими данными справедливо отклоняются (с. 505, 506). Это решение было бы более очевидным при использовании данных, приводимых в ЭССЯ (20: 181–185) s. v. *muliti;

наракуй ‘гололедица, наледь’ — дается неконкретизированное указание на заимствование из ненецкого (с. 522), что нетрудно уточнить: из нен.

narako 'весенний наст, время наста, весна до ледохода' (Хелимский 2000: 356);

обурд́ать 'есть сырое мясо или рыбу': дается неубедительное сопоставление с саамскими данными (с. 551). В действительности глагол *обурд́ать* является приставочным производным от *бурд́ать* из более раннего *айбурд́ать* (русское слово, упомянутое в ненецком словаре Лехтисало), который связан с рус. диал. *айбарча, айбарча́* 'свежая оленьея кровь, которую пьют олениводы', 'кушанье из оленьея крови с мелко нарезанными кусочками мяса' арх. (СГРС 1: 13–14). Это заимствование из ненецкого, точнее, из нен. зап. (с утратой начального *η*- и возможной заменой *-ць* на *-ч*) *ajbarč* = *айбарць, аябарць* 'есть мясо или рыбу в сыром виде' (Матвеев 1996: 226). Возможно посредство коми (< нен.) *айбарчи* 'струганное мерзлое оленье мясо или рыба (как особое блюдо), строганина' (МСФУСЗ 1: 24–25);

оведь, оудь 'яровая рожь'. Дается сравнение с вепс. *овед* 'яровая рожь' (с. 552), но это слово явный русизм. Связи рус. *оведь, оудь* в общем ясны: к рус. *овень, овёнъ* и др. 'то же' (Попов 1974: 54), др.-новг. *овыдь* XIV или XV в. (Зализняк 2004: 638), диал. *юдить* 'зреть', *юдное* (зерно) 'зрелое' (Фасмер 1: 368–369, 149). Праслав. **obudy* в ЭССЯ (30: 239), по-видимому, правильно, но не учитывает др.-новг. *овыдь*;

оп́ока 'ровная подводная мель' (с. 558). Остались неучтенными обширные лексические и иные материалы ЭССЯ (28: 245–248) с изложением разных этимологических объяснений праслав. **obroka*;

пахор́укий 'о неловком, неуклюжем человеке', 'с одной здоровой рукой'. Первая часть сложения сравнивается с вепс. *ра́на* 'плохой' (с. 386). Однако сложение (с которым связана фамилия *Пахорук*) входит в ряд исконных *криворукий, сухорукий, однорукий*. Исходной может быть форма *накор́укий* 'с изуродованной рукой' (СРНГ 25: 159, 293), где первая часть связана с *накш́а* 'кисть руки', 'безрукий (прозвище)', *накш́а* 'левая рука', *накш́а* 'сухорукий человек', *накш́а* 'левая рука' волог. (РЭС 2: 106, s. v. *бакорукий*). Возможно, инлаутное *-х-* появилось под влиянием *пах*;

паэ 'каменистые гряды, образованные выходами коренной породы' справедливо объясняется как заимствование из нен. *пэ* (с. 589). Стоило бы учесть записанное Р. Джемсом в Холмогорах рус. *ро́и* (т. е. *пои*) 'камень' (Stira 1981: 58), а также топоним *Пай-Хой*, ненецкое по происхождению название горного хребта к Северу от Полярного Урала (Матвеев 1987: 134). В русских говорах слово *ро́и* не получило распространения из-за полного доминирования исконного *камень*, также в качестве обозначения

Уральского хребта (в этом случае *Камень* калька с ненецкого, коми и мансийского);

писяга 'тонкое одеяло' дается как возможное саамское заимствование (со знаком «?»), без указания источника (с. 611). Между тем, указывался ненецкий источник: *pī* (*pīs-* в косвенных падежах и сложениях) 'покрывало из шкур, сукна для женских нарт' с добавлением суфф. *-яга* (Хелимский 2000: 356);

под 'прорубь', *пода* 'то же', *запускная пода* в говорах Томской обл. Согласно РДЭС (с. 615), не заимствования из селькупского (как считал Е. А. Хелимский), а исконные слова, связанные с рус. диал. *подда́ча, поддавальная прорубь* и *под*. 'прорубь, в которую опускают невод'. С. А. Мызников пишет, что место селькупской лексемы на самодийской почве неясно, отсюда вывод, что если заимствование в русский и было, то только обратное. Непонятно, однако, каким образом *поддача* может превратиться в *под(а)*. Речь идет скорее всего о случайном сходстве, не более того. У селькупской лексемы как будто не найдены соответствия в других самодийских языках, но таких лексем немало. Этимон рус. *пода* на уровне синхронно-фонологической реконструкции выглядит как *pōta* (Хелимский 2000: 372), его отношение с засвидетельствованными селькупскими данными (*pōd*), а также распространение рус. *под(а)* (только в зоне распространения селькупского языка, в том числе в качестве субстратного) свидетельствует о заимствовании в русские говоры от (ассимилированных) селькупов;

пóтага 'кнут' дается с указанием на возможное латышское происхождение (с. 621). Действительно, речь идет об обратном заимствовании из лтш. *pātaga* 'кнут', которое наряду с лит. *botāgas* происходит из др.-рус. *батогъ*;

потма́р 'пространство под русской печью (для ухватов и т. п.)', также *батма́р* и др. Приводятся правильные сопоставления с волжско-финским и др. материалом: морд. (эрзя) *потмар* 'поставец, шкаф для посуды', (мокша) *потмар* 'ящик под лавкой для посуды' (с. 622). Однако эти слова все-таки из русского, что следует из наличия надежного русского этимона: *под* + *нары*, ср. диал. *подма́ры* 'нары для спанья', *подна́ры* 'место под нарами' (Добродомов 2010: 105–110);

пра́за 'земля, сданная в аренду' (с. 624–625). Было бы полезно учесть данные древнененовгородского диалекта и комментарий А. А. Зализняка: *празка* < **празд-ък-а* от *празда* или (?) *праздь* 'арендная плата' (см. подробнее (Зализняк 2004: 620–622));

пúрищик ‘пекарь’, *пúрня* ‘хлебопекарня’, дается с вопросом «из кавказских языков?» (с. 637). Действительно, речь идет о производных от заимствования из груз. *piri* ‘хлеб’, греческого происхождения (Климов, Халилов 2003: 189);

пэндель ‘кисть для побелки известью’, определено как неясное (с. 644). Из польск. *peźdel* ‘кисть’;

пэнкнуть ‘лопнуть, треснуть’, определено как неясное (с. 644). Из польск. *peknąć* ‘то же’;

пюки ‘шкура вместо постели’. Дается с неконкретизированной ссылкой на самодийское происхождение (с. 644). Речь идет, несомненно, об искаженном диалектизме (весьма известном на севере Западной Сибири, на Русском Севере) *нюки*, мн. от *нюк* ‘полотнище из нескольких сшитых оленьих шкур’ < хант. (Казым) *ńyki* и др. (Steinitz 1960: 507; Фасмер 3: 92);

сян ‘повод в оленьей упряжи’, ‘костяшки и деревянные в оленьей упряжи’ — дается сопоставление с рус. *сса* ‘узкий длинный ремень в оленьей упряжи’ (с. 757). В действительности *сян* из нен. *śan* ‘одна из двух плоских костяшек, скрепленных ремнем на узде оленьей упряжи’ (Хелимский 2000: 357);

трмонтан ‘горный ветер’, *трмонтано* ‘северный ветер’. Дается сравнение с рум. *tare* ‘сильный, крепкий’ и *montan* ‘горный’ (с. 799). Более точное объяснение в том, что русские слова — варианты названия северного ветра *трамонтана* из итал. *tramontana*, в числе прочих черноморских отголосков средиземноморской лексики (особенно связанной с мореплаванием), занесенной на Черное море генуэзцами и венецианцами (Богородский 1979: 101, 103, 106);

халеть ‘умирать’ (с. 841). К приводимым в РДЭС соображениям стоило бы добавить данные ЭССЯ (8: 14), в особенности сопоставление со словац. диал. *hal’ec* ‘чахнуть, усыхать’ и оговорку о возможном проникновении из языка словацких разносчиков-«венгерцев» в русские жаргоны;

хапорúкий ‘неопытный, неумелый’ рассматривается как композит, где *хапо-* сравнивается с ливв. *hapaihi* ‘гнилой’ и под. (с. 843). Но возможна метатеза *хапорúкий* < *нахорúкий* (см. выше);

хаутуры ‘похороны’. Ставится вопрос, можно ли сопоставлять с фин. *hauta* ‘могила’ (с. 845). Ответ может быть лишь отрицательным уже ввиду географии русского слова: смоленское, западное, по существу, белорусское, ср. блр. *хайтуры* ‘погребение’, *хайтурыны* ‘погребальный’. Далее тождественно рус. *халтура*, диал. ‘поминки’, о котором см. (Фасмер 4: 218) и (Хелимский 1990: 35—38)⁹;

хиб ‘шея, загривок у животного’. Справедливо сравнивается с блр. *хиб* ‘щетина у свиньи’ (с. 846), но явно не хватает ссылки на ЭССЯ (8: 154), где дана и этимология слова (к праслав. **xybati*). Упущение еще более заметно при рассмотрении в РДЭС (с. 846) апеллятивов *хибен*, *хибены* ‘горные возвышенности на Кольском полуострове’ и названия гор *Хибины* в Мурманской обл., которые рассмотрены В. Л. Васильевым (2018: 78), сделавшим вывод о славянских истоках этих русских слов и окончательно отклонившим обсуждаемую в РДЭС (с. 847) возможность их финского происхождения;

холь ‘чистота как результат ухода, заботы’, *хольный* ‘чистоплотный’ сравниваются с карел. *huoli* ‘забота’ и под. (с. 851), но не учтены данные ЭССЯ (8: 61), которые значительно усиливают предпочтительность исконной этимологии слова *холь*, деноминатива от *хóлить*;

хорéи ‘шест, которым погоняют оленей’ — дается правильное сравнение с коми *хареи* (с. 851), но не учитывается более точный этимон, установленный К. Редее и Е. А. Хелимским: нен. *χarei* (в современном ненецком не сохранилось), откуда и коми слово. Показательный пример сохранения утраченного источника заимствования в заимствованном слове (в данном случае в русском и коми);

хúста ‘кусочек холста’ сравнивается с фин. *hursti* ‘дерюга, мешковина’ и под. (с. 854), но *хúста* явный полонизм, ср. польск. *chusta* ‘платок, перевязь’ (о последнем см. (Boryś 2005: 72));

цervя́к и *чervя́к* ‘серп’ (с. 857) можно расценить как ценное дополнение к праславянскому диалектизму **čьrvь* ‘серп’, который реконструируется только на основе рус. диал. *чerv* (*чerp*) ‘серп’ и сближается с лит. *kīvois* топор секира и под. (ЭССЯ 4: 171; SP 2: 271). Слово *чerp* ‘серп’ сравнивается в РДЭС с вепс. *čirp* ‘серп’, допускается «финно-угорское воздействие» (с. 869). Скорее всего, в вепсском русизм;

челпáн ‘круглый хлеб’, ‘округлый курган’. Имеющиеся объяснения противоречат друг другу (с. 867—868). Стоило бы указать, что в пользу исконной этимологии (к праслав. **čьlрь*) названия кургана свидетельствуют древненовгородские топонимы *Челпино*, *Челпаново*, *Челпново* (Зализняк 2004: 427), см. также (ЭССЯ 4: 144). Для *челпáн* ‘круглый хлеб’ имеется коми этимология (коми *чóвтон*, см. (КЭСК: 310)), но можно думать о развитии ‘округлая вершина’ > ‘округлый предмет, хлеб’ у исконного по происхождению русского слова;

⁹ Предлагаемая в этой статье монгольская этимология рус. *халтура* не была включена ее автором в книгу (Хелим-

ский 2000), что, видимо, свидетельствует об отказе от данной этимологии.

чичер 'снег с дождем' дается как неясное (с. 882). Стоило бы по крайней мере упомянуть этимологию в ЭССЯ (4: 110) — к праслав. *čičerъ;

шиши́бары 'комья застывшей грязи', шишобáрчик 'неумытый непричесанный ребенок'. Упоминается сопоставление (А. К. Матвеев) с коми *шышыбар* 'вид растения', 'репей' с оговоркой о возможном русском происхождении коми слова (с. 929). Стоило бы учесть русский диалектизм *шишобар* 'чертополох', сложение *шиш* 'черт' и *-бар* от *борóть(ся)* (Меркулова 1967: 96);

ягáрма 'бранчливая баба' и под. Принимается заимствование из коми *ягарма* 'бойкая баба' (с. 956). Стоило бы учесть возможность исконной этимологии, предлагаемой в «Праславянском словаре», где рус. диал. *ягáрма*, *игáрма*, *егáрма*, *ягáрьма* сближается с *ягáть* 'кричать, шуметь' (Даль 4: 693) < праслав. *egati (SP 6: 96).

В заключение уместно пожелать автору РДЭС при дальнейшей работе над словарем по возможности повысить требовательность к предлагаемым этимонам и устранить имеющиеся в тексте шероховатости в изложении.

* * *

Этимологические словари всегда дают основания для многочисленных замечаний, поправок и уточнений. Не является исключением и РДЭС, что ни в коей мере не отменяет общей сугубо положительной оценки этого фундаментального труда, выдающегося вклада в русское и финно-угорское языкознание. С.А. Мызникова следует поздравить с большим и заслуженным успехом.

Литература

- Богородский, Б. Л. 1979. Загадочное ли слово *горбин*? *Диалектная лексика* 1977: 100–106.
- Варбот, Ж. Ж. 1997. Рец. на кн.: Boryś W., Popowska-Taborska H. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*. Т. 1. А–Ї. Warszawa, 1994. *Этимология* 1994–1996: 189–193.
- Васильев, В. Л. 2018. О древненовгородских языковых следах в регионах Восточно-Европейского Севера и Сибири. *Вопросы языкознания* 3: 72–88.
- Даль, В. И. 1955. *Толковый словарь живого великорусского языка*. 2-е изд. Тома 1–4. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Добродомов, И. Г. 2010. Из лексики Волго-Камского языкового союза. *Урало-алтайские исследования* 2 (3): 105–111.
- ЕСУМ = Мельничук, О. С. (ред.). 1982–2012. *Этимологічний словник української мови*. Томи 1–6. Київ: Наукова думка.
- Зализняк, А. А. 1988. Древненовгородское койне. *Балто-славянские исследования* 1986: 60–78.
- Зализняк, А. А., А. А. Гишпиус. 2018. Берестяные грамоты из раскопок 2017 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе. *Вопросы языкознания* 4: 7–24.

- Климов Г. А., М. Ш. Халилов. 2003. *Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики*. Москва: Восточная литература.
- КЭС = Лыткин, В. И., Е. С. Гуляев. 1970. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Москва: Наука.
- Матвеев, А. К. 1964. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала. *Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae* XIV (3–4): 285–315.
- Матвеев, А. К. 1996. Новые данные о ненецких заимствованиях в севернорусских говорах. *Этимологические исследования* 6: 72–79.
- Меркулова, В. А. 1967. *Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Грибы. Ягоды)*. Москва: Наука.
- Мызников, С. А. 2003. *Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения*. Санкт-Петербург: Наука.
- Мызников, С. А. 2004. *Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ*. Санкт-Петербург: Наука.
- Мызников, С. А. 2005. *Русские говоры Среднего Поволжья. Чувашская республика. Республика Марий Эл*. Санкт-Петербург: Наука.
- Мызников, С. А. 2007. *Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада*. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Наука.
- Мызников, С.А. 2010. *Русские говоры Беломорья. Рабочие материалы*. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН.
- МСФУСЗ 1 = Матвеев, А. К. (ред.). 2004. *Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Выпуск 1 (А–И)*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Невская, Л. Г. 1984. Лит. *targas* (семантические связи постоянного эпитета). *Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте*: 130–136.
- Николаев, С. Л. 1989. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание). *Балто-славянские исследования* 1987: 187–224.
- Попов, А. И. 1974. Из истории слов пассивного лексического пласта одного северно-русского говора. *Диалектная лексика* 1973: 51–62.
- РЭС = Аникин, А. Е. 2007–2020–. *Русский этимологический словарь*. Выпуски 1–14–. Москва: Рукописные памятники Древней Руси; Знак; Институт русского языка РАН; Нестор-История.
- СРС = Матвеев, А. К., М. Э. Рут (ред.). 2001–2014–. *Словарь говоров Русского Севера*. Выпуски 1–6–. Под ред. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- СРГК = Герд, А. С. (ред.). 1994–2002. *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Тома 1–6. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- СРНГ = Филлин, Ф. П., Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников (ред.). 1965–2019–. *Словарь русских народных говоров*. Выпуски 1–51–. Москва / Ленинград / Санкт-Петербург: Наука.
- Фасмер, Макс. 1986–1987. *Этимологический словарь русского языка*. Тома 1–4. 2-е изд. Москва: Прогресс.
- Хелимский, Е. А. 1990. Этимологические заметки. *Исследования по исторической грамматике и лексикологии*: 30–41.
- Хелимский, Е. А. 2000. *Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи*. Москва: Языки славянской культуры.
- ЭССЯ = Трубочев, О. Н., А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот (ред.). 1974–2018–. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Выпуски 1–41–. Москва: Наука.

References

- Bentlin, Mikko. 2008. *Niederdeutsch-finnische Sprachkontakte. Der lexikalische Einfluss des Niederdeutschen auf die finnische Sprache während des Mittelalters und der frühen Neuzeit* (Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia 256). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Bogorodskij, Boris L. 1979. Zagadochnoe li slovo gorbin? *Dialekt-naja leksika* 1977: 100–106.
- Boryś, Wiesław. 2005. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo literackie.
- Dal', Vladimir I. 1955. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka*. 2-e izd. Toma 1–4. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarej.
- Dobrodomov, Igor' G. 2010. Iz leksiki Volgo-Kamskogo jazykovogo sojuza. *Uralo-altajskie issledovanija* 2 (3): 105–111.
- ESSJa = O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot (eds.). 1974–2018. *Etimologičeskij slovar' slav'anskih jazykov*. Vypuski 1–41. Moskva: Nauka.
- ESUM = O. S. Mel'nychuk (ed.). 1982–2012. *Etymologičnyj slovník ukrajins'koji mowy*. Tomy 1–6. Kyjiv: Naukova dumka.
- Grünthal, Riho. 1997. *Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonyymit* (Castrenianumin toimitteita 51). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Kallio, Petri. 2015. The Language Contact Situation in Prehistoric Northeastern Europe. In: Robert Mailhammer, Theo Vennemann gen. Nierfeld, Brigit Anette Olsen (eds.). *The Linguistic Roots of Europe: Origin and Development of European Languages*. (Copenhagen Studies in Indo-European 6): 77–102. Copenhagen: Museum Tusulanum.
- KESK = Lytkin, Vasilij I., Yevgenij S. Guljajev. 1970. *Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka*. Moskva: Nauka.
- Khelimskij, Yevgenij A. 1990. Etimologičeskie zametki. *Issledovanija po istoričeskoj grammatike i leksokologii*: 30–41.
- Khelimskij, Yevgenij A. 2000. *Komparativistika*. *Uralistika. Lektsii i statji*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- KKS = *Karjalan kielen sanakirja*. 1968–2005. 1–6. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen verkkojulkaisuja 18). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Klimov, Georgij A., Madzhid Sh. Khalilov. 2003. *Slovar' kavkazskikh jazykov*. *Sopostavlenie osnovnoj leksiki*. Moskva: Vostochnaja literatura.
- Kluge, Friedrich. 1911. *Seemannssprache. Wortgeschichtliches Handbuch deutscher Schifferausdrücke älterer und neuerer Zeit*. Halle a. d. Saale: Verl. d. Buchh. d. Waisenhauses.
- Matveev, Aleksandr K. 1964. Zaimstvovanija iz permskikh jazykov v russkikh govorakh Severnogo i Srednego Urala. *Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae* XIV (3–4): 285–315.
- Matveev, Aleksandr K. 1996. Novye dannye o nenetskikh zaimstvovanijakh v severnorusskikh govorakh. *Etimologičeskie issledovanija* 6: 72–79.
- Merkulova, Valentina A. 1967. *Očerki po russkoj narodnoj nomenklature rastenij (Travy. Griby. Jagody)*. Moskva: Nauka.
- Myznikov, Sergej A. 2003. *Russkiye govory Obonezhja: areal'no-etimologičeskoe issledovanie leksiki pribaltijsko-finskogo proiskhozhenija*. Sankt-Peterburg: Nauka.
- Myznikov, Sergej A. 2004. *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhenija v russkikh govorakh Severo-Zapada. Etimologičeskij i lingvo-geografičeskij analiz*. Sankt-Peterburg: Nauka.
- Myznikov, Sergej A. 2005. *Russkije govory Srednego Povolzhja. Chuvashskaja respublika. Respublika Marij El*. Sankt-Peterburg: Nauka.
- Myznikov, Sergej A. 2007. *Atlas substratnoj i zaimstvovannoj leksiki russkikh govorov Severo-Zapada*. 2nd edition. Sankt-Peterburg: Nauka.
- Myznikov, Sergej A. 2010. *Russkije govory Belomorja. Rabočie materialy*. Sankt-Peterburg: Institut lingvističeskikh issledovaniij RAN.
- MSFUSZ 1 = A. K. Matveev (ed.). 2004. *Materialy dlja slovarja finno-ugro-samodijskikh zaimstvovaniij v govorakh Russkogo Severa*. Vypusk. 1 (A–I). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Nevskaja, Lidija G. 1984. Lit. margas (semantičeskie svjazi postojannogo epiteta). In: E. I. Zelenina, V. V. Usacheva, T. V. Tsvijan (eds.). *Slavjanskoje i balkanskoje jazykoznanije: Jazyk v etnokul'turnom aspekte*: 130–136. Moskva: Nauka.
- Nikolaev, Sergej L. 1989. Sledy osobennostej vostočnoslavjanskikh plemennykh dialektov v sovremennykh velikorusskikh govorakh. I. Krivichi (okončanie). *Balto-slavjanskije issledovanija* 1987: 187–224.
- Popov, Aleksandr I. 1974. Iz istorii slov passivnogo leksičeskogo plasta odnogo severno-russkogo govora. *Dialekt-naja leksika* 1973: 51–62.
- Räsänen, Martti. 1969. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. *Lexica Societatis Fenno-Ugricae* XVII (1). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- RES = Anikin, Aleksandr E. 2007–2020–. *Russkij etimologičeskij slovar'*. Vypuski 1–14–. Moskva: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi; Znak; Institut russkogo jazyka RAN; Nestor-Istorija.
- Saarikivi, Janne. 2008. Itämerensuomalais-slaavilaisten kontaktien nykytilasta. In: Jussi Ylikoski (ed.). *The Quasiquicentennial of the Finno-Ugrian Society*. (Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia 258): 109–160. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- SGRS = Matveev, A. K., M. E. Rut (eds.). 2011–2014–. *Slovar' govorov Russkogo Severa*. Vypuski 1–6–. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- SKES = Y. H. Toivonen, Erkki Itkonen (eds.). 1958–1981. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. 1–7. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XII). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- SMS = Anonymous. 2011–2021. *Suomen murteiden sanakirja* (Kotimaisten kielten keskuksen verkkojulkaisuja 30). Available online at: <http://kaino.kotus.fi/sms/>.
- SP = Słowski, Franciszek (ed.). 1974–2001. *Słownik prastowiański*. T. 1–8. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich.
- SRGK = Gerd, S. A. (ed.). 1994–2005. *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastej*. 1994–2005. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- SRNG = Filin, F. P., F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov (eds.). 1965–2019–. *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Vypuski 1–2. Moskva / Leningrad / Sankt-Peterburg: Nauka.
- SSA = Erkki Itkonen, Ulla-Maija Kulonen (eds.). 1992–2000. *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. 1–3. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 556, Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskuksen julkaisuja 62). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Steinitz, Wolfgang. 1960. Ostjakische Lehnwörter im Russischen. *Zeitschrift für Slawistik*. Bd. 5. H. 4: 483–493.
- Stipa, Günter J. 1981. Vom Ostseefinnischen bis zum Samoje-dischen reichender Lehnwortschatz im "Russian Vocabulary" (1618–1619) des Richard James. *Journal de la Société finno-ougrienne* 77: 41–66.
- Tesnière, Lucien. 1933. Les diphtonges tl, dl en slave: essai de géolinguistique. *Revue des études slaves* 13 (1-2): 51–100.

- Varbot, Zhanna Zh. 1997. Recenzija na knigu: Boryś W., Popowska-Taborska H. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. 1. A-Ć. Warszawa, 1994. *Etimologija 1994–1996*: 189–193.
- Vasil'jev, Valerij L. 2018 O drevnenovgorodskih jazykovykh sledakh v regionakh Vostochno-Evropejskogo Severa i Sibiri. *Voprosy jazykoznanija* 3: 72–88.
- Vasmer, Max. 1986–1987. *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka*. V. 1–4. 2-e izd. Moskva: Progress.
- Zaloznjak, Andrej A. 1988. Drevnenovgorodskoe kojne. *Baltoslavjanske issledovanija 1986*: 60–78.
- Zaloznjak, Andrej A., Aleksej A. Gippius. 2018. Berestjanye gramoty iz raskopok 2017 g. v Velikom Novgorode i Staroj Russe. *Voprosy jazykoznanija* 4: 7–24.